

Дорогой Владимир Петрович! Примите в Ваш юбилей искреннюю благодарность за Ваш огромный вклад в литературу России и мира, за неустанную деятельность, неиссякаемое творчество, создание того, что нужно людям в области духа!

Благополучия и душевной гармонии Вам в долгой и счастливой жизни!

* * *

Как над темнеющей водою,
Что разливается рекой,
Стою над русскою бедою,
Над вечной русскою тоской.

Я от беды себя не прячу,
Приемлю всю её до дна
И забываю про удачу –
С другими водится она.

А в небе жаворонок бьётся,
Дымится росная межа,
И вся печали отдаётся
Живая, грешная душа.

Над миром вечность пролетела,
Столетия канули в песке...
Но нет конца и нет предела
Печали русской и тоске.

* * *

Век за веком тянется,
То гора, то падь.
«Что же с нами станется? –
Думаем опять.

Пролетает утица,
Селезень – за ней...
Что же с нами сбудется
По скончанье дней?

Полночь бредит зорькою,
На дворе – темно.
Выпиваем горькое,
Тёмное вино.

Выпьем – и обманется
И душа, и кровь...
Что же в нас останется?
Истина? Любовь?

Где и с кем ты, истина?
Кормишься с ножа...
Вон – уже освистаны
Память и душа.

Век стальной и каменный,
Горестные дни.
В мире неприкаянном
Мы совсем одни...

Улетает утица
В дальнее гнездо.
Что-то с нами сбудется...
Мы не знаем – что?

ЖЕРНОВА

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.

Николай Рубцов

Надгробье ли, жёрнов средь поля лежит
Над душами, над головами.
Земля под ногами у мира дрожит,
Растёртая в пыль жерновами.

Я — падший, безумный — шагал в пустоту,
Набрёл на сторовшие травы,
С округлого камня согнал мухоту
И жёрнов увидел кровавый.

Под жёрновом тяжким клубились века,
Я руку подставил — и в руку
Посыпалась прахом смертельным мука —
Людская кромешная мука.

Трещали хрящами живые слова,
Пригорки стонали от боли...
Работали в полную мощь жернова:
Российские кости мололи.

И разум, и сердце мне выстудил страх
Среди ужасающих знаков.
Глаза голубые, растёртые в прах,
Какою тоскою оплакать?

Какими слезами те кости омыть?
Живою иль мёртвой водою?
Белугой ли, зверем бездомным завывать,
Склонясь головою седою?

Я крикнул туда, где пустыня мертва:
— Эй, мельник! Ты хуже монгола!
Но ходят и ходят во тьме жернова
И не прекращают помолы.

А мельник, с копною смолёных кудрей,
Срывает кровавые вишни...
И к Господу я обратился скорей:
— Что делать нам, Боже Всевышний?

Господь начертал посреди синевы
Своею могучей десницей:
«КОГДА ОДОЛЕЕТЕ МЕЛЬНИКА ВЫ,
ТОГДА И ПОМОЛ ПРЕКРАТИТСЯ».

* * *

Бездорожье. Угрюмые сенцы.
Слёзы льёт в небесах водолей.
На погибель постылое сердце
Поселилось в деревне моей.

В летней кухне отломаны дверцы.
Чужеземный разор. Пустота.
И не бьётся постылое сердце,
И не ищут друг друга уста.

Нет заступника, нет исцеленья,
Воскресенья не будет в стране.
То ли мор, то ли грехопадение...
И Георгия нет на коне.

Вместо ясных молитв громовержца —
Дикий хохот и ход сатаны.
Поселилось постылое сердце
У безмолвной кремлёвской стены.

Чья-то тёмная-тёмная сила
Навалилась на сердце моё.
Землю Русскую тьма затопила,
Но из тьмы прорастает Копьё!

* * *

На зимней даче сон глубокий,
Я лёг и в бездну провалился,
Где сна таинственный клубок
В заулочке памяти скатился.

В заулочке каменная тишь...
Мне этот сон три года снился:
В том закоулочке ты стоишь,
Клубок у ног остановился.

Ах, как бы ночь распеленать,
Что на глаза упала шалью,
А то никак не распознать
Лица любимого за далью.

Приблизить даль, пришторить высь,
Найти бы в них тот вечер гулкий,
Где мы навеки разошлись
В забытом Богом переулочке.

Там плачет чёрный голубок,
Там город в уголь превратился.
...Ах, сна таинственный клубок,
Зачем ты в память закатился?

БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ

– Где ты, Россия, и где ты, Москва? –
В небе врагами зажатый,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой...

Юрий Кузнецов

1.

В штольнях века плыли наркоманки,
Пел убогий или Божий птах.
По России шёл бескрылый Ангел
В синяках, коростах и шипах.

Покрывалось время серой пылью,
Всюду билась дольняя печаль.
– Где, бескрылый,
потерял ты крылья? –
Чёрный Демон Ангелу кричал.

– Эй, пернатый!
Что ты ходишь-бродишь?
Не летаешь в Божьих небесах? –
Раздавались голоса в народе,
И звучала горечь в голосах...

Ангел, видно, многого не помнил,
Он смотрел в тревоге на людей.
Крыльев нет – он это сразу понял,
Где найти их – не было идей...

Перед ним Москва огнём горела,
На Арбате шёл б...й парад.
И вдали до самого предела
Простирался современный ад.

2.

Ангел вспомнил: вечером остывшим
Он спустился с облачных небес...
Это где-то над Полтавой было,
Мимо мчался торопливый бес.

Всё как будто рядом, близ Диканьки,
Но среди размолотой земли
Пахло чёрным порохом и танки
По дорогам Украины шли.

И не пел Боян, а пуля пела,
Разрывался гробовой снаряд.
Ангел посмотрел оторопело
На убитых хлопцев, лёгших в ряд.

Он увидел мир несовершенный,
Понял: что-то на земле не так...
Закричал, как будто оглашенный,
И пошёл с гранатой на танк...

...Он очнулся в тёмных катакомбах,
Его били много дней подряд.
Ангел жил, но превратился в зомби,
Его крылья оторвал снаряд.

А когда во тьме его подняли,
Он бескровен был и очень плох.
На «укропа» ночью обменяли
У ручья, который пересох.

...Покрывалось время чёрной пылью,
Мир тяжёлой злобой истекал.
Видел я: меж небылью и былью
Ангел крылья белые искал.

ОПАВШИЙ ЛИСТ

Всё лето лист, зелёный, влажный,
Берёзе царственной служил.
Он с восхитительной ромашкой
Дружил и в осень не спешил.

Он из себя любовь исторгнул,
Он лепетал и трепетал,
И вдруг от заморозка вздрогнул,
«Люблю ромашку...» – прошептал.

Подобно раненому птаху,
Одно мгновенье покружил
И на опушку, как на плаху,
Златую голову сложил.

Ах, видно, жизнь была промашкой,
Он жизнь и смерть перемешал,
И вот теперь перед ромашкой
Опавшим золотом лежал.

Уже мигнуло снегом белым,
Уже пахнуло первым льдом...
Ромашка долго леденела
И умирала над листом.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Откуда это освещенье
На тихой станции лесной?
Не освещенье – ощущение
Какой-то выси неземной.

Откуда это воплощенье
Предчувствий – на краю земли?
Где на взаимное прощенье,
А не прощанье мы пришли.

Откуда явное сближенье
Миров на станции лесной?
И неземное береженье
Земного мира надо мной?

Прощенье глаз и губ прощенье
И даже выговор иной...
Ни капли горького отмщенья,
А замещение виной.

Откуда эти превращенья
На тихой станции лесной?
Жил мир Прощёным Воскресеньем
И вразумлялся тишиной.

* * *

Памятью высвечу душу свою,
Нежную русскую песню спою.
Станут березники мне подпевать,
В горле у сосен – слова застревать.

Дальняя родина... Дом. Переезд.
Станция. Линия. Бабушкин крест.
Милые сердцу родные края...
Здесь упокоилась бабка моя.

Здесь поднимаются к солнцу хлеба.
Здесь моя родина, пристань, судьба.
Здесь я – работник, послушник и царь.
Светит ромашка, как белый фонарь.

Утро молочное в поле зовёт.
Как дирижабль – корова плывёт.
Где-то вдали затихает пастух,
Ломится огненный в окна петух.

Вешками жизни сияют столбы,
Голуби ходят по верху избы.
Мать в полушалке, как день, золотом
Входит с подойником в утренний дом.

И, улыбаясь, как было века,
Мне наливает стакан молока.
Молвит: – Парного испей-ка, сынок!
Вьётся у ног её кошка-вьюнок...

...Боже, неужто мы жили в раю?
Долго я не был в родимом краю...
Так и умру, вспоминая о том:
Мама с подойником, голуби, дом.

Превращения

АД

Всемирный консилиум нужен земле.
Земля в поднебесной печали.
Зажата в ней память,
как пуля в стволе,
Цветы и хребты замолчали.

Мы видим течение пагубных лет,
Размыты сознания границы.
И нет уже выхода, логики нет
В той жизни, которая длится.

Взрывается в шахтах гремучий метан,
Кольшется неба трясина.
И падают в ад – Карабах и Майдан,
И «Боинг» в огне керосина.

А пули свистят и осколки поют,
И корчатся скорбные лица.
И гнёзда уже рядом с небом не вьют
Ни песни, ни вещие птицы.

И черпают звёздного неба ковши
Умершие грешные души.
...И землю свою продают за гроши
У тёмного ада кликуши.

РАЙ

А рядом, где Божий
невиданный край
Распахнут под шёлковым небом,
Творцом поднебесным
построился рай
С дорогой и полем, и хлебом.

Всё было в раю,
как и в жизни людской:
Здесь каждый спокоен, послушен,
Но только невидимый райский покой
Был странным событием нарушен.

Раскрылась в раю
небольшая гора,
Высотка военная, что ли...
Там чьи-то шаги раздаются с утра,
Девчонка выходит из штольни.

Видна ей заросшая тёрном гора
И кончик сапёрной лопаты...
И ночью кричат ей беззвучно:

«Сестра!»

Из братской могилы солдаты...

И снова подули, как пули, ветра,
И снова по вьюжной метели
Несёт, выбиваясь из сил, медсестра
Бойца на кровавой шинели.

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ

У Храма Господня нет воли свинца.
Есть чудо Святого Распятья.
Мы молимся свету родного лица,
С распятым мы кровные братья.

Он верен себе, человеку и дню,
Восставшему из потрясения.
И вновь к Благодатному выйдя Огню,
Он дарит нам свет Воскресенья!

И мы, приникая к Священному дню,
Душой обрета равновесье,
Стоим у Распятья и верим огню,
Сошедшему из поднебесья!

* * *

День на излёте. Облака
У самой западной границы
Горят, как прошлые века,
В костре пылающей денницы.

День на излёте. Небосвод
Оранжевые смыл потёки,
Как будто кто-то из него
Рукой незримой выжал соки.

И наступила немота,
И даже время потемнело.
С седого русского креста
Ворона в бездну пролетела.

День на излёте. Тишина.
Кромешность или вечность.
Живыми душами полна
Запененная Млечность.

Век на излёте. Я стою,
Оглуший, онемевший.
Больную Родину свою
Оплакать не сумевший.